

Александр Цой

Экспликация пространственных предлогов в словарной статье толкового словаря

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 9, 117-126

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Александр Цой

Лодзинский университет, Кафедра языкознания Института русистики (Польша)

ЭКСПЛИКАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ В СЛОВАРНОЙ СТАТЬЕ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ

Известное теоретическое противопоставление словарного значения слова (как знака виртуального) в системе языка значению реализованному (как знака актуального) в синтагматическому ряду ставит перед теорией лексикографии проблему релевантной экспликации лексических единиц в словарной статье толкового словаря. Сигнификат знака непосредственно обращен к языковой личности: экспликация знака, его «выражение» метаязыковой дефиницией и восприятие значения знака пользователем словаря представляет главную функцию любого языка, обеспечивающую коммуникацию.

Как пишет Л. А. Новиков, изучение «связи и отношений между вещью (предметом, референтом, денотатом), идеей (мышлением, понятием, значением, смыслом, сигнификатом, десигнатом, вообще интерпретацией предмета) и именем (словом, знаком, текстом) в какую бы терминологию эти понятия ни облекались и как бы ни понимались в различных школах и направлениях, представляет собой один из фундаментальных вопросов семантики» (Новиков 2001: 347–348).

Основными аспектами изучения словесного знака как языкового феномена являются его понятийное содержание и процесс формирования представления этого понятийного содержания в сознании пользователя словаря, отражения в сознании части объективной действительности, передаваемой знаком.

Теория смысла Г. Фреге как способа логической интерпретации предмета, номинированного релевантным именем, обогатила лингвистическую семантику, оказала влияние на разработку принципов и приемов выделения «составляющих» смысла у единиц языка. Г. Фреге различал понятия «значение» и «смысл»: знак выражает смысл и обозначает предмет, то есть смысл, обладающий объективными свойствами, занимает промежуточное положение между предметом и представлением о нем, имеющим субъективный характер (Фреге 1987: 18–47). Понятие функции в языке позволяет понять

языковое устройство многих категорий и понятий лексики, вскрывает закономерную филиацию ее единиц. Такие лексикологические понятия, как значение, полисемия, лексическая парадигматика, требуют функционального анализа, позволяющего раскрыть их объективную природу, показать те реальные языковые механизмы, которые составляют базис их существования, то есть многие лингвистические понятия и категории функционально организованы. Смысловая структура знака складывается из элементарного значения, реализуемого как первичная функция, в наименьшей степени зависящая от контекстуальных условий, и вторичного элементарного значения, реализуемая как вторичная функция. Модель «Смысл ⇔ Текст» зрительно представляет виртуальную системность слов, «обладающих общим глубинным значением, по-разному реализуемым на поверхностном уровне – в соответствии с тем или иным словом аргументом, сочетающимся с данными словами» (Новиков 2001: 371–372). Параллелизм и соответствие между классами и свойствами объектов должны рассматриваться как объективно существующая зависимость между определенным свойством предмета и его принадлежностью к другим сходным предметам (классу) на основании общности их свойств. Модусы речи представляют собой отражение этих отношений и закономерностей в мышлении и языке и являются специальными понятиями логического характера. Вот почему учет фактора пользователя словаря и его потребностей (пользователь как языковая личность) в получении информации в доступно организованной микроструктуре словарной статьи является ведущим в теории лексикографии.

Для антропоцентрической словарной статьи, предназначенной для различных категорий пользователей, в том числе и для иноязычных пользователей – инофонов, главной задачей является формирование в сознании пользователя единства означаемого и означающего. Язык как сложная система характеризуется двукратным означиванием ее единиц, которое формируется первично в системе средств и вторично в речи с целью передачи информации и прагматического воздействия на участников коммуникативного акта. Знаки языка не возникают и не функционируют раздельно: любой языковой элемент означает в рамках той или иной системы, микросистемы, ряда, формируясь на основе отработанных моделей, и подчиняется двум структурным измерениям человеческого языка – парадигматическому и синтагматическому. Знакам, соответствующим полнозначным словам, присуще третье измерение – ось семантической производности. Значение слова как единицы мышления является содержательной стороной *полнозначного словесного знака* и складывается из закрепленных в общественном опыте за знаком предметов, признаков данного класса, значимых для осуществления деятельности с ними. Обобщенное отражение действительности становится фактом индивидуального сознания в процессе коммуникативных актов, которые являются условием и сферой дальнейшего развития обобщающей функции значения.

В процессе когнитивной обработки поступившей информации языковая личность, связывая тот или иной словесный знак с его референтом, соотносит их с референтом. Следовательно, словесный знак представляет собой трехстороннюю единицу языка. Иными словами, проблема семантики знака с точки зрения гносеологии, отражает проблему познания объективной внеязыковой действительности.

За служебными словами, которые являются субзнаками, стоит релятивное значение, не имеющее, с точки зрения гносеологии, в реальной действительности материального референта, поэтому усвоение субзнака требует от пользователя словаря – инофона – значительных усилий в перцептивном и рецептивном планах, а затем продуктивного употребления использования субзнака в коммуникативно-прагматическом акте.

Ни более сложными для релевантной кодификации в словарной статье толкового словаря являются пространственные предлоги.

Л. Витгенштейн отмечал, что каждый «предмет существует как бы в пространстве возможных со-бытий. Представить себе это пространство пустым можно, вообразить же предмет вне этого пространства нельзя (2.013)». «Как пространственные объекты вообще немислимы вне пространства, временные – вне времени, так ни один объект немислим вне возможности его сочетаний с другими (2.0121). Мир – целокупность существующих со-бытий (2.04)». То есть совокупность всех существующих фактов как со-бытий есть окружающий нас мир, а мир – «действительность во всем ее охвате» (2.063)» (Витгенштейн Л. 1994: 5–8). Описать этот мир в пространственно-временных координатах с указанием на местоположение субъекта и различных объектов, с которыми контактирует этот субъект, в значительной мере помогают пространственные предлоги.

К особенности семантики пространственных предлогов можно отнести то, что интуитивно воспринимаемое отдельное значение в реальности описывает различные денотаты в такой степени, что объективную репрезентацию значения получить сложно.

Актуальная сегодня антропоцентрическая парадигма научного знания пытается объяснить соотношение семантики предлога с существующим многообразием пространственных представлений о естественных предметах реального мира, которые любой из пространственных предлогов может означивать. Для антропоцентрической словарной статьи важно, чтобы дефиниция охватывала все особенности употребления предлога, была бы объективной, конкретной, чтобы описываемое значение легко отличалось от значений других предлогов.

Семантика выражения пространственных отношений предлогами представляет собой лексикографический интерес, поскольку раскрытие того, как пространство кодируется в естественном языке, обещает, с одной стороны, указать на способы эффективного представления пространственной

информации в словарных дефинициях, а с другой, установить природу когнитивных механизмов обработки пространственной информации языковой личностью. Антропоцентричность предлогов выражается прежде всего в разного рода эффектах присутствия языковой личности, а также в самом выборе пространственных ориентиров (Подлесская, Рахилина 2000: 98–107).

Целью данной статьи является разработка релевантного представления пространственной семантики предлога, которая является актуальной задачей для толкового словаря с антропоцентрическими характеристиками.

Пространственные отношения в общем виде есть соположение в пространстве какого-либо субъекта, предмета, действия (события), признака и некоторого пространственного ориентира (локума). «Локум – это пространство или предмет, относительно которого определяется местонахождение предмета (действия, признака) и характер их взаимоотношений» (Всеволодова, Владимирский 1982: 6).

Пространственные отношения разнообразны по оттенкам значения и формам выражения. Прежде всего их можно разделить на две группы, в которых выделяем, соответственно, направление и место. Первые отвечают на вопросы *где? в каком месте?*; вторые – *куда? откуда? с какого места? до какого места?* Как отмечают М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский, сема статичности указывает на неизменное по отношению к локуму пространственное расположение предмета, что находит наиболее яркое выражение в отношениях местонахождения, сема динамичности предполагает изменение сорасположения предмета и локума, его удаление, приближение, прохождение (Всеволодова, Владимирский 1982: 13). Эти оппозиции ярко представлены, например, тремя рядами производных предлогов: *к – от; в – из; с – на*. Значение указанных предлогов осложняется дополнительной семантикой, например, значение предлога в синтаксеме *идти в лес* осложняется значением направленности действия внутрь, в пределы чего-либо; значение предлога *к* в синтаксеме *идти к реке* – оттенком приближения к предмету, который назван зависимым именем.

Рассматривая более подробно пространственные значения предлогов, укажем на их многообразие. Во-первых, предлоги показывают направление действия, движения (*войти в дом – выйти из дома; идти к дому – идти от дома*); во-вторых, указывают на место совершения действия или место нахождения предмета (*живет в городе; село на берегу реки*); в-третьих, на распространение действия (движения) по какому-либо пространству (*тучи шли по небу, колонна двигалась по дороге*).

Несмотря на то, что пространственные предлоги были одним из наиболее активно исследуемых объектов лексической семантики (см., например: Дурст-Андерсен 2000: 135–151; Кобозева 2000: 151–162), удовлетворительного ответа на вопрос, как язык «структурирует» пространство, до сих пор нет. Большинство исследований основывались на структуралистских

установках, поэтому анализу подвергался, в первую очередь, «интралингвистический» аспект значения пространственных лексем, рассматривались только репрезентативные случаи их употребления. Поэтому пространственная семантика описывается в геометрических терминах: «точка», «линия», «плоскость» и так далее (Logan, Sadler 1996: 109–172). Для исследований характерны, помимо геометрических, топологические описания предлогов. Признак многомерности явился в некоторой степени продуктивным для целей описания семантики предлогов.

Пространственные предлоги описываются в исследованиях по лексической семантике как одно-, двух- и трехмерные. Раскрытие того, как пространство кодируется в естественном языке, позволяет выявить способы эффективного представления пространственной информации, позволяет понять процесс передачи визуальной информации средствами естественного языка, а также дает возможность уяснить когнитивные механизмы восприятия и отражения пространственной информации языковой личностью.

Рассмотрение репрезентативных случаев употребления пространственных предлогов в структурализме, привело к выводу, что пространственная семантика может быть описана в терминах и понятиях топологических, таких, как «контакт», «включение», «совпадение» и др. Топологический подход, опирающийся на формы объектов, с которыми употребляются предлоги, не дает возможности абстрагироваться от формы объектов (см. библиографию: Стинрод Н., Чинн У.). Л. Талми ввел понятие топологических типов предметов, которые являются релевантными для носителя языка. Человек различает вытянутые, бесформенные, вертикально или горизонтально расположенные и др. классы предметов (см. об этом: Talmy 1983: 225–282). Модели этой области лексики представляют семантику пространственных лексем только во фреймах, состоящих из отвлеченных фигур, а не естественных предметов окружающей действительности (см., например, работы: Geeraerts 1993: 53–79; Hopper, Thompson 1993: 357–376).

Недостаточность такого представления значения пространственных предлогов стала очевидной в свете исследований, выполненных в когнитивной парадигме, которая поставила задачу объяснения существующего соотношения значения предлога с многообразием пространственных представлений, которое этот предлог может означать.

Как представляется, наиболее плодотворен функциональный подход к изучению пространственных предлогов, поскольку позволяет наиболее достоверно описать пространственные значения, исследуя предлоги в естественном их функционировании путем их анализа в составе предложения.

В. Г. Гак пишет, что полное исследование семантического поля состоит из двух направлений: «1. Исследование поля внутри него самого, выявление его членения и аспектов. Внутри поля пространства можно выделить ряд структур: 1) типы пространств: точка – линия – поверхность – объем;

2) организация пространства – оппозиции: центр / периферия; открытое / закрытое пространство; 3) позиции объектов, их пространственная соотнесенность (относительное пространство): близко / далеко; справа / слева и т.д.; 4) направления, ориентация; координаты; 5) меры длины, расстояния, поверхности, объема и др.; 6) восприятие пространства: вид, аспект, угол, точка (зрения) подход. 2. Исследование внешних связей и отношений данного поля с другими полями». Второе направление предполагает решение двух задач: «переход номинаций из других полей в данное поле и, наоборот, переход номинаций из данного поля в другие поля» (Гак 2000: 127).

Дополнительные ограничения на употребления ряда пространственных предлогов определяются их способностью передавать «функциональную» информацию о взаимодействии между предметами (см., например: Подлеская В. И., Рахилина Е. В. 2000: 98–107). Так, например, предлоги *у*, *за*, *около* в предложениях *Ученик стоит у доски*, *Шофер сидит за рулем*, *Ткачиха стоит около станка* передают функциональную информацию о том, что субъект помимо того что находится в непосредственной близости от объекта, выполняет определенную работу (см., например: Болдырев 2000: 212–216).

Остановимся, например, на анализе выражения пространственных отношений русскими предлогами, то есть на проблеме выбора предлога как способа обозначения места объекта в координатах пространства (Борисова, Латышева 2003: 101–104). Первое противопоставление – это обозначение местонахождения объекта, противопоставленное обозначению дифферентных точек перемещения. Предлог *в* обозначает место объекта относительно какого-либо вектора, например, вектор – точка – *в углу*; предлог *на* – вектор – находящаяся в пространстве протяженная линия – *на дороге*. Предлог *в* может быть использован при обозначении направления движения: для обозначения места движения используется предложный падеж, например, *в доме*, винительный падеж для обозначения цели: например, *в дом*. Предлоги *к* и *до* обозначают конечную цель движения. Противопоставление значений предлогов осуществляется по параметру «внутри» также с помощью предлога *в* – «снаружи» с помощью предлога *вне*, «снизу» – с предлогом *под*, «сверху» с предлогом *над*, «спереди» с предлогом *перед* – «сзади» с предлогом *за*, на расстоянии от ориентира – с предлогами *у*, *около*, *рядом с*. Предлог *у* употребляется в тех случаях, когда обозначает непосредственную близость одного объекта по отношению к другому, например: *Письменный стол стоит у окна*, но если ориентиром является человек, или живое существо, или если речь идет о небольших по размерам предметах, то предлог *у* не используется. Нельзя сказать, например: *Девушка стояла у мужчины* или *Книга лежала у тетради*. Предлог *вдоль* используется при обозначении перемещающегося объекта относительно протяженной в пространстве линии. Если ориентиров несколько, то предлоги могут сообщить, что объект находится в интерпозиции двух ориентиров, например: *Оказаться меж (между) двух огней*; или в противоположном от какого-либо ориентира месте,

например: *Остановка напротив библиотеки*. Предлоги позволяют выразить и способы движения относительно маршрута. Например, предлог *через* обозначает ту часть пути, которая отличается от исходных точек движения и может явиться препятствием для перемещающегося объекта или субъекта: *Перелезть через забор*. Предлог *вдоль* означает перемещение объекта на расстоянии от какого-либо протяженного в пространстве объекта: *Идти вдоль реки, забора* но *Плыть по реке*. Предлоги *из, от, с, из-за, из-под* обозначают исходную точку движения. Предлог *из* может указывать на движение объекта наружу, например: *Выйти из кинотеатра, Выйти из ванны*, а предлог *от* в некоторых случаях обозначает перемещение объекта, находящегося на близком расстоянии к ориентиру, в любом направлении, например: *Поезд отошел от платформы*, или *Отойти от двери*. Предлог *с* используется для обозначения движения объекта с поверхности, находящейся над горизонтальной линией, например: *Спуститься с вершины горы*, или *Сойти с лестницы* (Борисова, Латышева 2003: 101–104).

В словарных статьях каждого из перечисленных предлогов необходима визуальная графическая семантизация в виде схем, рисунков и т.д. То есть возникает проблема использования остенсивного способа семантизации служебных слов, в частности предлогов. Для зрительной наглядности характерны такие свойства, как аподиктичность, ясность, образность и конкретность, которые дают возможность пользователю быстро воспринимать и запоминать слово. Визуальное восприятие, осуществляемое языковой личностью, занимает в системе перцептивных процессов ведущее место, обеспечивает получение информации о пространственном положении и движениях объектов. Оно дает начало целому ряду качественно различных когнитивных процессов, связанных с отражением пространственных, динамических, фигуративных и временных характеристик, находящихся в зрительном поле объектов. Наряду с задачей отражения предметов, их свойств и отношений, а также их местоположения относительно других объектов, визуальное восприятие выполняет важную проприоцептивную функцию, участвуя в регуляции движений субъекта.

В *Психологическом словаре* отмечается, что зрительное восприятие пространства связано с процессами переработки пространственной информации в слуховой и вестибулярной сенсорных системах, осуществляемых двумя группами перцептивных операций. Первая группа обеспечивает оценку удаленности объектов, а вторая группа обеспечивает оценку направления, в котором расположен объект. При этом предметная локализация, выступая в функции стационарной системы отсчета, остается неизменной во время движений субъекта. Комбинация данных об удаленности и направлении обеспечивает относительное постоянство воспринимаемых свойств объектов визуализации при широком диапазоне изменения условий зрительного восприятия величины видимых объектов. Многие операции пространственного

восприятия являются врожденными, но их координация осуществляется прижизненно (см. библиографию: Зрительное восприятие. Психологический словарь).

По данным когнитивных исследований в подкорковых образованиях и коре головного мозга обнаружены нейроны движения, участвующие в перцептивном анализе движения, а также в регуляции следящих движений глаз, без которых невозможна точная оценка параметров движения предмета. Важную роль в онтогенетическом развитии восприятия пространства имеет включение отмеченных операций в состав практических, а затем и перцептивных действий, совершаемых пользователем (Мещеряков, Зинченко 2002: 165).

Наиболее сложным процессом зрительного восприятия является восприятие формы, которое развивается после восприятия движения. Восприятию формы предшествует пространственная группировка однотипных элементов, расположенных в поле зрения. Затем языковая личность как наблюдатель фиксирует характерные детали объекта и устанавливает пространственные отношения между объектом и окружающими его другими объектами. Воспринятое ранее пространство функционально выполняет роль интермодальной точки отсчета, после этого начинается процесс спецификации формы объекта (Гуревич 2007: 159–160). Процесс построения зрительного образа объекта и его местоположения после предъявления известного языковой личности стимула в виде языкового субзнака родного языка оказывается завершенным и приобретает известные характеристики: человек соотносит пространственную локализацию и стабильность пространственного положения объекта, а также состояния движения объекта (субъекта) с этим субзнаком в контекстном употреблении

Модель восприятия русских служебных слов с пространственным отношением для инофона представляется иной. Ему необходимо усвоить новый субзнак, соотнося его с операциями пространственного восприятия, за которыми уже стоят словесные знаки родного языка, перестраивая и координируя приобретаемую русскую систему языковых значимостей.

Словесный знак, возникая как средство социальной связи и воздействия на члена или других членов социума, является компонентом деятельности человека, средством его сознательной ориентировки в объектах внешнего мира. Все процессы опосредования человеческой, суть когнитивной, деятельности языковой личности, происходят за счет применения знаков. Словесный знак, субзнак, полужнак или элемент знака (фигура), объективируя предметный или идеальный образ, позволяют языковой личности служить средством саморегуляции поведения, средством преобразования его плана деятельности до осуществления реальных или предполагаемых преобразований с объектом. В социальном плане языковой знак выступает как продукт истории нации, а в индивидуальном – как орудие языковой деятельности личности. Естественный язык как средство общения, хранения и передачи

социально значимого опыта в виде информации, из средства передачи этой информации одновременно является средством изменения и совершенствования этого опыта.

Знакомство с новым словесным знаком родного языка, его усвоение осуществляется на основе прежнего опыта языковой личности, базирующегося на отвлечении от реального объекта, фактов и явлений окружающего мира, их отношений, а затем корректной проверки итогов формальных преобразований их в виде логических связей с другими знаками, их содержательной интерпретацией, возможностью сопоставления с явлениями внешнего мира. Усвоению субзнака неродного/иностранный язык в позиции леммы, дефиниция которого также опосредованно эксплицирована в метаязыке неродного/иностранный язык, вызывает определенные трудности для инофона. Специфика субзнака русского языка как материального средства обозначения объектов идеальной (релятивной) стороны человеческой деятельности в русской языковой картине мира требует значительных усилий для инофона в ходе усвоения этого субзнака. Конечной целью этой деятельности должно стать усвоение инофоном связи между русским субзнаком и его значением, то есть усвоение функции замещения субзнаком его релятивного значения.

Для того чтобы словарная статья толкового словаря максимально отражала все семантические отношения и лексические связи предлога, необходимо внести следующие дополнения в ее структуру. В совокупности всех информационных потоков, обеспечиваемых словарной статьей, должен быть обеспечен доступ к когнитивному коду пространственного предлога, способствующему восприятию языковой информации с помощью естественного языка и невербальных способов. На наш взгляд, такими существенными дополнениями являются: во-первых, остенсивный (графический) способ семантизации; во-вторых, показ пространственных отношений предлога; в-третьих, выбор описательного толкования в качестве основного способа семантизации предлога; в-четвертых, отражение синтагматических и парадигматических связей кодифицируемого предлога.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Болдырев Н. И. (2000), *Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании*, [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 212–216.
- Борисова Е. Г., Латышева А. Н. (2003), *Лингвистические основы РКИ (педагогическая грамматика русского языка): Учебное пособие*, Москва, с. 101–104.
- Витгенштейн Л. (1994), *Логико-философский трактат*, [в:] «Философские работы», Часть I, Москва, 612 с.
- Вригт фон В. Г. (2000), *Модальная логика местоположения*, [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 7–15.
- Вригт фон В. Г. (2000), *О локализации ментальных состояний*, [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 16–19.

- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. (1982), *Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке*, Москва.
- Гак В. Г. (2000), *Пространство вне пространства*, [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 127–134.
- Гуревич П. С. (2007), *Психологический словарь*, Москва.
- Дурст-Андерсен П. В. (2000), *Предложно-падежная система русского языка. Понятие «контакт vs. неконтакт»*, [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 135–151.
- Кобозева И. М. (2000), *Грамматика описания пространства*, [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 151–162.
- Кобозева И. М. (2000), Как мы описываем пространство, которое видим: форма объектов, [в:] <http://www.dialog21.ru/digest/archive/2000/?year=2000&vol=22724&id=6297>
- Новиков Л. А. (2001), *Семантика русского языка*, [в:] *Избранные труды*. Т. 1. *Проблемы языкового значения*, Москва, с. 347–348.
- Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. (2002), *Большой психологический словарь*, 3-е изд., Москва.
- Подлеская В. И., Рахилина Е. В. (2000), «Лицом к лицу», [в:] *Логический анализ языка. Языки пространств*, Москва, с. 98–107.
- Психологический словарь. Зрительное восприятие*, [в:] <http://www.anypsy.ru/glossary/zritelnoe-voispryatie/>
- Стинрод Н., Чинн У. (1967), *Первые понятия топологии. Геометрия отображений отрезков, кривых, окружностей и кругов*, Москва.
- Фреге Г. (1987), *Мысль. Логическое исследование*, [в:] *Философия, логика, язык*, Москва, с. 18–47.
- Geeraerts D. (1993), *Cognitive semantics and the history of philosophical epistemology*, [in:] *Conceptualizations and mental processing in language*, Boston, pp. 53–79.
- Hopper P., Thompson S. (1993), *Language universals, discourse pragmatics and semantics*, [in:] «Language Sciences», Vol. 15, pp. 357–376.
- Logan G., Sadler D. (1996), *Computational Analysis of the Apprehension of Spatial Relations*, [in:] *Language and space*, P. Bloom et al. (eds.), Cambridge, pp. 109–172.
- Talmy L. (1983), *How language structures space*, [in:] L. Acredolo. *Spacial orientation: theory, research, and application*, New York, pp. 225–282.

Aleksandr Tsoi

EXPLICATION OF PREPOSITIONS OF SPACE IN EXPLANATORY DICTIONARY ENTRY

(Summary)

The objective of the given article is development of the relevant concept of spatial semantics of the prepositions, which is a topical task of lexicography. In our opinion, it is essential to add to the structure of a preposition dictionary entry the following elements: firstly, a graphic explanation of meaning; secondly, presentation of spatial relationships; thirdly, a choice of descriptive interpretation; fourthly, the reflection of syntagmatic and paradigmatic links.